

Сергей Андреевский

Дело Мироновича

Сергей Андреевский
Дело Мироновича

«Public Domain»

1894

Андреевский С. А.

Дело Мироновича / С. А. Андреевский — «Public Domain»,
1894 — (Судебные речи)

ISBN 978-5-457-13600-7

«28 августа 1883 г. утром, около девяти часов, на Невском проспекте в Петербурге в доме, в котором была расположена ссудная касса, принадлежавшая И. И. Мироновичу, был обнаружен труп 13-летней девочки Сарры Беккер. Труп во время его обнаружения был уже совершенно холодным и находился в маленькой комнате кассы. Комната была заставлена мягкой мебелью. Покойная лежала навзничь поперек большого мягкого кресла. Одета Сарра была в новое праздничное платье, в чулках и полусапожках. Голова ее, с расплетенной косой и всклокоченными на лбу волосами, покоилась на ручке кресла и ручке рядом стоящего дивана. Обнаженные выше колен ноги были раздвинуты таким образом, что создавалось впечатление, что поза была придана покойной при ее жизни насильственным путем. Это подчеркивалось и откинутой выше колен юбкой...»

ISBN 978-5-457-13600-7

© Андреевский С. А., 1894
© Public Domain, 1894

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Сергей Аркадьевич Андреевский Дело Мироновича

28 августа 1883 г. утром, около девяти часов, на Невском проспекте в Петербурге в доме, в котором была расположена ссудная касса, принадлежавшая И. И. Мироновичу, был обнаружен труп 13-летней девочки Сарры Беккер. Труп во время его обнаружения был уже совершенно холодным и находился в маленькой комнате кассы. Комната была заставлена мягкой мебелью. Покойная лежала навзничь поперек большого мягкого кресла. Одета Сарра была в новое праздничное платье, в чулках и полусапожках. Голова ее, с расплетенной косой и всклокоченными на лбу волосами, покоилась на ручке кресла и ручке рядом стоящего дивана. Обнаженные выше колен ноги были раздвинуты таким образом, что создавалось впечатление, что поза была придана покойной при ее жизни насильственным путем. Это подчеркивалось и откинутой выше колен юбкой. На лбу Сарры Беккер, над правой бровью зияла большая рана неправильного очертания, проникающая до кости. Одежда покойной состояла из черной шерстяной накидки, в правом кармане которой найден ключ от входной двери в кассу ссуд, а в левом кармане – недоеденное яблоко. При осмотре трупа в правой руке Сарры был обнаружен клочок волос, крепко зажатый пальцами.

Во время осмотра места происшествия в этой комнате были обнаружены разбросанные в беспорядке десять просроченных квитанций на заложенные в кассе ссуд Мироновича вещи Грязнова к его же вексель в 50 рублей. По объяснению Мироновича, документы эти хранились в одном из ящичков письменного стола, откуда, видимо, и были изъяты преступником. Кроме мягкой мебели, в комнате находились шкафы и витрина, в которых были заперты ценные предметы. Однако все они находились в исправном состоянии, под замками, и ключи от них висели на их постоянных местах. Тем не менее, во время осмотра И. И. Миронович заявил о пропаже с витрины ряда ценных вещей – всего на сумму около 400 рублей (в то же время большинство ценных предметов, находящихся, на витрине, были нетронутыми). Все описанные обстоятельства сразу же придали убийству Сарры Беккер большую загадочность. С одной стороны, расположение трупа указывало на убийство с целью изнасилования. С другой, – пропажа ряда ценных предметов с витрины создавала впечатление убийства с целью грабежа. Проведенная судебно-медицинская экспертиза (профессором Сорокиным) выдвинула предположение о возможности покушения на изнасилование. В результате проведения ряда следственных действий (допрос свидетелей, эксперименты и пр.) подозрение в изнасиловании и убийстве Сарры Беккер пало на И. И. Мироновича.

Обвинение Мироновича было почти полностью построено на косвенных уликах. Следователь принял во внимание, что Миронович был равнодушен к женщинам вообще и к Сарре Беккер в частности. При ее жизни он неоднократно заискивал перед ней, ласкался к ней, старался всячески, ее расположить к себе. Сарра же ненавидела Мироновича, о чем делилась с подругами и соседками. Первоначальная следственная версия сводилась к тому, что Миронович, решив изнасиловать Сарру Беккер 28 августа, в день, когда отец Сарры был в отъезде, попытался привести свое намерение в действие. Однако в силу каких-то причин ему это не удалось, поэтому он убил свою жертву. В целях сокрытия мотивов убийства он инсценировал грабеж: изъял из витрины несколько ценных предметов, разбросал по полу несколько векселей и квитанций своих должников (в частности Грязнова) и пытался создать видимость своего отсутствия в доме во время убийства. Следствие с обвинительным уклоном против Мироновича подходило к концу. Однако одно обстоятельство прервало его на некоторое время. Неожиданно для следвателя 29 сентября 1883 г. в полицию явилась неизвестная гражданка, назвавшаяся Семеновой, и сообщила, что Миронович в этом преступлении не виновен и что убийство совершила она сама. Семенова очень подробно описала

обстоятельства убийства и цели его, в связи с чем Миронович был немедленно освобожден из-под стражи и в следствии по делу начался новый этап.

Семенова заявила, что она очень любит М. М. Безака. Ради него она уже совершила несколько краж. Ради него она решилась и на убийство с целью ограбления Сарры Беккер. С повинной она явилась потому, что Безак вновь стал охладевать к ней и ей стало жаль невинного человека (Мироновича), привлеченного по данному делу. Однако вскоре Семенова отказалась от своих показаний и заявила, что Сарры Беккер она не убивала. Миронович вновь был арестован, и дальнейшее следствие продолжалось уже против трех лиц. (Безак также был разыскан и содержался под стражей.) Следствием была выдвинута новая версия, подсказанная Безаком. А именно. Убийство совершено Мироновичем. Однако в момент убийства он был захвачен Семеновой. Чтобы заставить ее молчать, он дал ей несколько ценных вещей, которые Семенова приняла и затем продала.

С такой формулировкой обвинения дело и поступило в суд. Миронович обвинялся в покушении на изнасилование и убийство. Семенова – в недонесении об убийстве и сокрытии его. Безак – в недонесении. С.-Петербургский окружной суд, слушавший дело с 27 ноября по 3 декабря 1884 г., признал обвинение доказанным и осудил всех привлеченных по делу.

По протесту прокурора, вследствие допущенных судом процессуальных нарушений и в связи с жалобой Мироновича дело было передано на новое рассмотрение. Причем при новом рассмотрении оно было разбито на две части: отдельно слушалось дело по обвинению Мироновича и отдельно было рассмотрено дело Семеновой и Безака. Дело по обвинению Мироновича было рассмотрено 23 сентября – 2 октября 1885 г. в том же суде с участием присяжных заседателей. По делу выступили: в качестве гражданского истца Д. И. Урусов, Мироновича защищали Н. П. Карабчевский и С. А. Андреевский.¹

* * *

Господа судьи! Господа присяжные заседатели! Процесс, действительно знаменитый, ждет, чтобы вы сказали свое слово – на этот раз, вероятно, последнее. В этом важном и запутанном процессе мы вовсе не желали бы уйти в благоприятные для нас потемки, чтобы в них найти выигрыш дела. Нет! Мы желали бы предложить вам честное пособие нашего опыта, дать вам в руки ясный светильник, в котором бы вы вместе с нами обошли все дебри следственного производства и вышли бы из него путем правды. Не следует забывать, что дело об убийстве Сарры Беккер остается историческим в судебных летописях; оно получит свою славу как важное искушение для судебной власти впасть в ошибку. Осуждение же невинного или одна только возможность его есть уже общественное несчастье, которое следует изучить и отметить, чтобы погрешности, которые его вызвали, больше не повторялись. Поэтому, я надеюсь, вы будете к нам внимательны.

Нужно заметить, что все мы находимся теперь в несравненно лучших условиях, чем при первом слушании дела. С великой мудростью поступил сенат, что он заставил судить одного Мироновича. В том виде, как дело ставилось в первый раз, никогда нельзя было разрешить его правильно. Тогда прокурор выставлял на скамью подсудимых двух взаимно исключających убийц – Миронович и Семенову – и говорил: «выбирайте любого! Мне который-нибудь останется». И хотя для формы Миронович именовался исполнителем убийства, а Семенова – попустительницей, но всякий чувствовал, что между ними будет отчаянная борьба и что лжи не будет конца. Сенат рассек это противоестественное сплетение Мироновича и Семеновой, и в сущности сенатский указ, если смотреть далее формальностей, говорит преследующим властям: «будьте откровеннее в приемах». И теперь действительно легче.

---

¹ Речи Н. П. Карабчевского и А. И. Урусова приводятся в Сборнике в соответствующих местах (см. стр. стр. 378 и 750).

Хотя Семенова и Безак отрезаны, но целостность картины не нарушена. Напротив, с выпадением этих участков для нас отпадает политика размежевания защит, и мы можем трактовать о них с более легким сердцем, не опасаясь им повредить. Второе преимущество, теперешнего разбирательства – общее обогащение наше в приемах критики. Когда прежние присяжные вынесли свой приговор, то не только никто не успокоился, что судьи внесли ясность, но, напротив, все принялись работать над этим делом с новым усердием: ученые стали опровергать экспертизу, публицисты критиковали судебных деятелей, беллетристы придумывали рассказы, в которых по-своему разгадывали судебную драму. Всякий, кто мог, высказывался печатно, и даже находились любители, которые сочиняли защитительные речи за Мироновича – увы! – после обвинительного приговора. Все эти материалы были в нашем распоряжении при подготовке к делу, и теперь, когда я буду почти дословно повторять убежденную защиту моего товарища, сказанную им в первый раз, я буду все-таки чувствовать себя крепче, потому что многие из его доводов были разделены теми, кто после него работал над делом, и таким образом доводы эти, отраженные в зеркале чужого ума, перестали быть эфемерными, перестали быть изобретением защиты: они получили облик правды.

После всего, что я извлек из этого материала, я имел возможность сделать свой вывод; он стал для меня ясен, как для судьи, который больше не колеблется. И затем уже, не страшась никаких сюрпризов от противников наших, я знал, что ничто на суде не может повредить подсудимому. Пред нами было прежнее обвинение присяжных. Мы перед ним преклоняемся и убеждены, что оно произнесено по совести. Но те присяжные не имели того громадного опыта, которым мы владеем теперь. И притом – какие же воздействия были на их совесть! Мы должны эти воздействия разобрать. Наученные первым страшным уроком, мы должны «то же слово, да иначе молвить». Убежденная защита есть законный противник и следственной власти, и прокурорского надзора, и обвинительной камеры. Она вправе сказать им: до сих пор вы работали без нас; но мы пришли, и как люди свежие, обзрев то, что вы сделали, мы ясно видим, как вы глубоко ошиблись; все, что вы нашли и усмотрели, только сбивает с дороги. Истина вовсе не там, где вы ее искали. Вот в какой стороне, вот где она, по нашему убеждению, эта истина! Поэтому мы можем ограничиться блужданием только по той дороге, куда нас влечет обвинение, и согласиться, что в одном сомнении насчет Мироновича сосредоточены теперь все вопросы дела. Нет! Миронович здесь, по нашему мнению, не больше, как бельмо на глазу следственной власти, которое ей мешало видеть правду и которое мы намерены снять с этого глаза. И если мы достаточно вооружены для подобной операции, то, конечно, такая защита будет самой правильной, как потому, что этим путем совесть судей очищается от всяких сомнений, так и потому, что нет совершеннее возражения со стороны подсудимого прокурору, как ясный отвод обвинения к определенному другому лицу, как простая формула: «вы меня приняли за другого».

Хотелось бы мне, чтобы и защита моя была так же ясна для вас, как эта короткая формула. Но материала много. Спрашивается: как поступать с ним? Мне вспоминаются слова, сказанные профессором Эргардтом прокурору: если вы будете выдергивать мелочи, вы целого никогда не поймете. Поэтому нужно вооружиться системой. И первые вопросы, без которых нельзя дальше двинуться, капитальные вопросы в деле: 1) время убийства, 2) цель и способ убийства.

Займемся временем. С вопросом времени я не намерен обращаться так, как здесь делали на судебном следствии, потому что время у человека в обыденной жизни ускользает, когда он не вооружен часами и не следит по стрелкам. Понятие о скорости у каждого индивидуальное. Время возможно устанавливать только тогда, когда есть твердые границы. Такими границами я беру: закрытие буфета в Финляндской гостинице в двенадцать часов ночи и прибытие вечернего поезда Николаевской железной дороги в десять часов вечера, с опозданием в одиннадцать минут, по наблюдению пассажира Севастьянова. Между этими

пределами можно прибегнуть к приблизительному расчету. Итак, о времени убийства мы можем судить по прибытию Семеновы с вещами, взятыми с места преступления, в Финляндскую гостиницу; по сведениям о последнем приеме пищи Саррой Беккер и по времени, когда Сарра сидела с Семеновой на лестнице перед кассой.

По первому способу. Известно, что Семенова прибыла с вещами, добытыми немедленно после убийства, в Финляндскую гостиницу около двенадцати часов ночи, и ровно в двенадцать, когда запирался буфет (значит, это час верный), уже сбегала с лестницы вместе с Безаком, чтобы уехать в другую гостиницу. В двенадцать ровно она убегала, но когда же именно приехала? Положим на ее краткую беседу с Безаком, на умывание и на уплату по счету минут пятнадцать (так как, по словам прислуги, она пробыла очень недолго); выйдет, что она могла приехать в двенадцать без четверти. Подвигаясь от этого срока еще назад, мы должны задаться вопросом, как долго она ехала от кассы. По нашему опыту, езды от кассы до Финляндской гостиницы двадцать минут. Вычитая эти двадцать минут из трех четвертей двенадцатого, мы видим, что она вышла из ворот кассы в одиннадцать часов двадцать пять минут или около половины двенадцатого. Но вещи взяты из витрины после убийства и притом омытыми руками. Кладем на умывание, на выбор вещей от пяти до десяти минут. Вычитаем их из двадцати пяти минут двенадцатого, выходит, что около четверти двенадцатого Сарра испустила дух. Это приблизительная минута смерти. Первый удар, конечно, мог быть нанесен гораздо ранее, потому что продолжительности агонии мы не знаем.

По другому способу. Дворник Прохоров видел Сарру, возвращающуюся ужинать в начале десятого. Минут двадцать спустя, то есть около половины десятого, она возвращалась и затем, не успевши приготовить себе постель и лечь, была убита. По заключению врачей, она умерла максимум через два часа после приема пищи. Опять выходит: умерла около половины двенадцатого, но, быть может, и около четверти двенадцатого, потому что врачи брали максимум. Значит, несмотря на приблизительность расчета, выводы по обоим способам совпадают.

Но эти два способа не указывают другого очень важного момента – когда убийца вошел в кассу? На это нам отвечают показания Ипатова, Севастьянова, Алелекова и Повозкова. Ипатов видел на лестнице перед кассой около десяти часов женщину, разговаривавшую с Саррой. И в том сознании, которому не верят, и в одном из тех показаний, которым верят, Семенова не отвергает, что эта женщина была она. Об этом, впрочем, и спорить нечего, потому что сам обвинительный акт это признает. В сознании своем Семенова утверждает, что вслед за уходом Ипатова она вошла вместе с Саррой в кассу для совершения убийства. В другом же показании она говорит, что в ту минуту (то есть после ухода Ипатова) неизвестный убийца разогнал их и пошел за Саррой в кассу. Таким образом, кого бы ни считать убийцей, Семенову или неизвестного (впоследствии Мироновича), нужно признать, что момент ухода обеих женщин с лестницы, вслед за удалением Ипатова, есть в то же время момент входа убийцы в кассу. Поэтому нужно только твердо установить, когда мимо женщин прошел Ипатов. Это время можно проверить с точностью. Как только Ипатов вошел с той же лестницы в контору, напротив кассы, дожидавшиеся его Алелеков и Повозков вышли, и уже на лестнице женщин не было. Алелеков и Повозков пошли по Невскому и на расстоянии пяти минут ходьбы, на углу Николаевской, встретили Севастьянова, который приехал с поездом в десять часов одиннадцать минут и успел отойти от вокзала то же почти расстояние, в пять-шесть минут ходьбы. Значит, женщины скрылись в самом начале одиннадцатого часа, значит, тогда же вошел убийца в кассу.

Итак, убийца вошел в кассу в начале одиннадцатого, Сарра умерла в четверть или половину двенадцатого. Прошу помнить и то, что по этим выводам Семенова пробыла в вечер убийства возле кассы более часа.

Обращаемся теперь ко второму, едва ли не самому пикантному в деле вопросу: о цели и способе убийства.

В каждом знаменитом по своей загадочности процессу есть свой знаменитый пустяк, который всех сбивает с толку. В нашем деле такой пустяк – поза убитой Сарры Беккер: она найдена мертвой в кресле, с задранной юбкой и раздвинутыми ногами. Этот образ случайный, как фигура на стене от литого воска, ослепил все власти. Все, придя на место преступления, сказали себе в один голос: здесь было изнасилование. Это первое впечатление было так сильно, что впоследствии какие бы разительные возражения против него ни возникали, следственная власть роковым образом к нему возвращалась и продолжала поддерживать это воображаемое изнасилование. Я называю его воображаемым, потому что не вижу решительно ни одного довода в его пользу. Врачи-эксперты установили с самого начала – и это блистательно подтвердилось к концу дела вчера, – что Сарра умерла от ударов по черепу, что смерть ее была ускорена задушением и что ее половые органы остались неприкосновенными. Врачи тогда же заключили, что данные эти исключают предположение о попытке к изнасилованию. Мы слышали, как не понравилось это заключение, как выпрашивался у врачей какой-нибудь намек на изнасилование. Им говорили: неужели нельзя признать хотя отдаленной мысли об изнасиловании? Они ответили: мы в мыслях не читаем... Но дайте, по крайней мере, обвиняемого; быть может, на нем остались следы борьбы. Нет! его вчера осматривали. «Пожалуй, пересмотрим сегодня». И Мироновича вторично раздела и обследовали: ничего, решительно ничего нет. Тогда врачи категорически высказали, что они исключают попытку изнасилования. Но настойчивость прокурорского надзора не унималась. Через четыре месяца прокурор пишет следователю предложение – мы его здесь прочли, – где врачам внушается, – что они, конечно, пропустили «не» перед словом «исключают», то есть, конечно, написали совершенно обратное тому, что думали. Врачи защищаются: они писали не навыворот, они держатся первого мнения, они не пропускали частицы «не», они исключают попытку изнасилования. И с таким-то висящим в воздухе, не оставляющим следов посягательством на целомудрие, Мироновичу приписывается один из самых мерзких поступков, и этот воображаемый поступок выставляется мотивом убийства, за которое его прямо предают суду?

Но на суде, при первом слушании дела, неожиданным союзником обвинения выступил профессор Сорокин. Экспертизу его называли блестящей: прилагательное это я готов принять только в одном смысле – экспертиза эта, как все блестящее, мешала смотреть и видеть. Вернее было бы назвать ее изобретательной. Действительно, экспромптом ознакомившись с делом только на суде, подчинить своей мысли об изнасиловании материал, по-видимому, самый неблагодарный для такого вывода, – на это нужна была большая изобретательность. Профессор Сорокин, в этом мы глубоко убеждены, – присутствуя на суде, слушая все, что происходило, поддался невольному увлечению – мысли об изнасиловании; но он в то же время понял, что экспертиза предварительного следствия не годится не только для объяснения реальной, но даже и какой-нибудь идеальной попытки изнасилования: ведь в самом деле, кто же, задавшись целью изнасилования, начнет прямо с смертоносных ударов по голове, да потом еще станет придушивать свою жертву, не касаясь к половым органам? Уж это будет походить на желание изнасиловать мертвую... Профессор Сорокин сообразил, что эти приемы убийцы надо перевернуть: сперва душил, заглушая крики, потом пробирался к половым органам, а затем, получив отвращение в результате извержений, нанес удары и убил: так еще может что-нибудь выйти... И, как всегда бывает в случае подобных вдохновенных открытий, профессор Сорокин нашел все, что хотел видеть. Ученый наметил в своем уме составные положения своей догадки, они сложились, на первый взгляд, чрезвычайно удачно; соблазн их высказать, сделать открытие был слишком велик, и почтенный профессор, человек живой и восприимчивый, поддался этому соблазну. Но теперь все оча-

рование этой находки рассеялось. Доказано, что душение не могло предшествовать нанесению ударов; что налицо все признаки смерти от трещины на черепе. У профессора Сорокина во всем не осталось его картины. Главное положение, что вся драма убийства происходила на кресле, рухнуло. Выяснилось; что Сарра принесена на кресло из другого места и положена на него почти мертвой; борьбы здесь не было, потому что чехол остался неподвижен и пятна крови спокойно просачивались с чехла на материю кресла. Против этого и выдумать ничего нельзя. Кровавые следы пальцев на чехле, которыми профессор Сорокин снабжал убийцу в дорогу к половым частям, оказались пальцами дворников, а пикантное пятнышко на кальсонах, единственное, величиной с чечевичное зерно, признано оттиском клопа. При самом тщательном обследовании вначале, ввиду страхов, рассказанных Саксом, при тщательном осмотре теперь – все нижнее белье убитой оказывается девственным от прикосновения убийцы. В четвертый раз к нему приглядывались микроскописты – и ровно ничего: ни крови, ни семени. Мало того, драма на кресле разбита бесспорным положением, к которому примкнул в конце концов И профессор Сорокин, что первый удар нанесен в вертикальном положении. Что же осталось от гипотезы, от прежней экспертизы профессора Сорокина? Экспертиза эта оказалась наскоро сшитым саваном для Мироновича; но Миронович не умер; работа профессора не ушла с ним в темный гроб, и теперь, рассмотрев ее при свете, мы видим, как она была сделана не по росту Мироновичу, как она плоха, как рвутся ее нити... с окончательным и громким падением изнасилования на вчерашней экспертизе. Мы полакали, что обвинители сами отрежутся, мы начали складывать бумаги, готовились выиграть бой без сражения! Что же вышло? Выпрашивалась экспертиза на предварительном следствии – значит, ею дорожили; опирались на гипотезу профессора Сорокина в прошлом заседании, как на краеугольный камень, – значит, в ней черпали силу. Теперь все последние надежды, которыми питались с самого начала, исчезли; между обвиняемым и подсудимым открывается ничем не наполненная пропасть – отсутствие связей между убийцей и трупом, отсутствие похотливых прикосновений к детскому телу, отсутствие повода к убийству. Но обвинителям это нипочем; Мироновича можно и без всего этого обвинять; проиграна экспертиза – долой экспертизу; ничего не нужно; никакие препятствия не существуют... Прокурор рисует в своем воображении свои картины, не имеющие ни единой опоры в вещественных следах, делает предположения, признанные профессором Эргардтом «из всех невозможных невозможностей самыми невозможными!» и не допущенные никем из других ученых. А гражданский истец говорит прямо: нам довольно одного мотива. Лакомка на ребенка – и убил. Но за что же? Не касаясь к ребенку, не пытаясь завладеть им, не получив никакого отпора, ни одной царапины? Нет, так рассуждать невозможно. Мало ли кому чего хочется от живого существа, а другие его убивают. Вам хотелось поскорее наследство получить от старого богача, а его убивает вор, – и вас будут судить только потому, что вы не огорчены его смертью? Разве допустимо уличить одним мотивом, когда самого факта не существует?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.